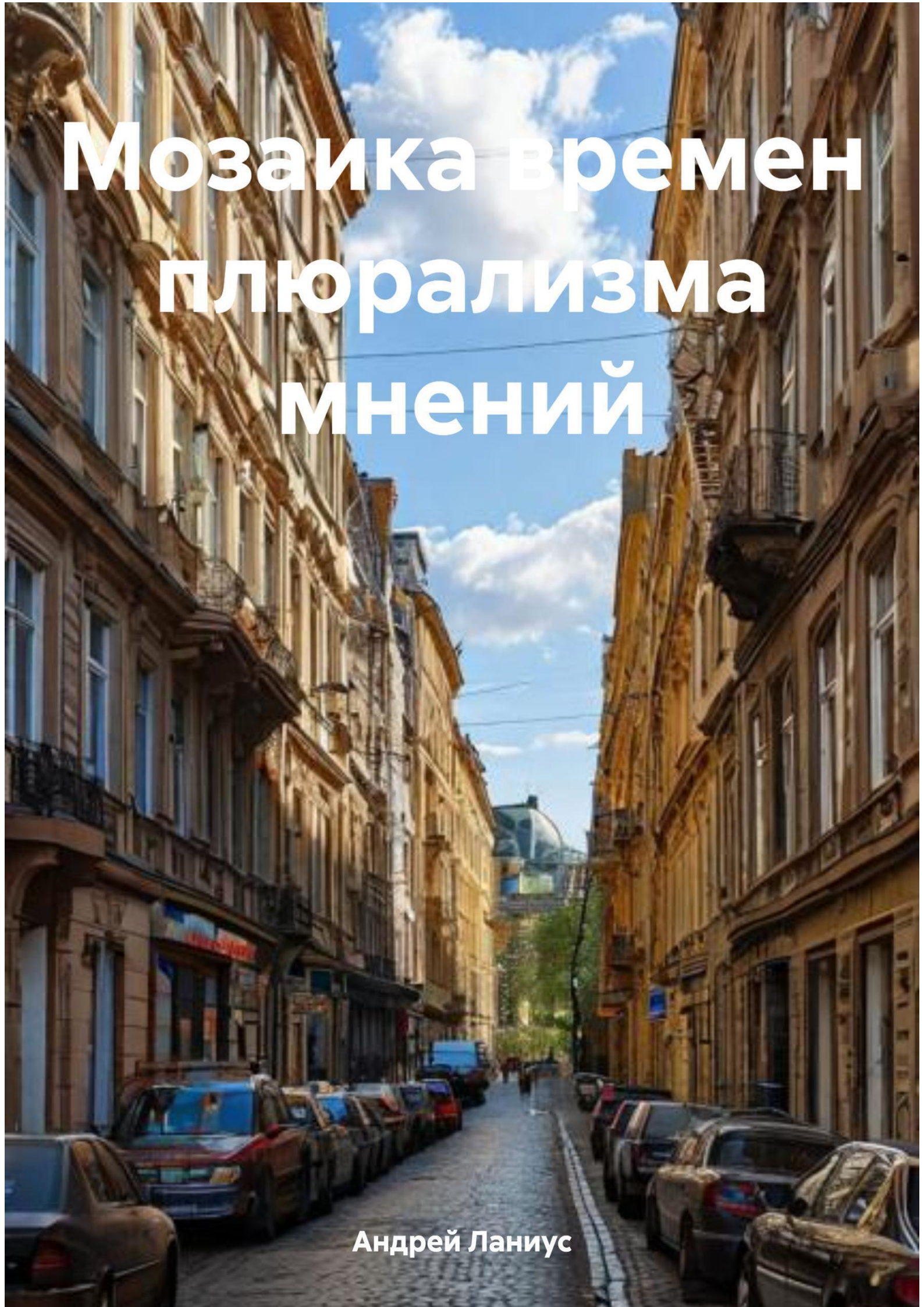

Мозаика времен плюрализма мнений

Андрей Ланиус

Андрей Ланиус

**Мозаика времен
плюрализма мнений**

«Автор»

2024

Ланиус А.

Мозаика времен плюрализма мнений / А. Ланиус — «Автор»,
2024

Петербургская мозаика. Хроника времен перестройки и последующих
десятилетий (взгляд).

Содержание

РЕКВИЕМ ПО ВЕЛИКОЙ ЭПОХЕ ПИШУЩИХ МАШИНОК	5
ЗАГАДКА СТАРОЙ ДОРОГИ	7
ВПОЛНЕ ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ	11
КАК Я РЕДАКТИРОВАЛ АСТРОЛОГИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ	15
АФРИКАНСКАЯ ЖАРА В СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЕ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мозаика времен плюрализма мнений

РЕКВИЕМ ПО ВЕЛИКОЙ ЭПОХЕ ПИШУЩИХ МАШИНОК

Еще в начале нашего века, включая его первое пятилетие, все крупнейшие издательства, редакции известных журналов и газет охотно принимали от авторов рукописи в машинописном виде.

Но затем как-то незаметно наступил непродолжительный период «междоцарствия».

Миллионы пишущих машинок еще стучали деловито по всей стране, но молодая, дерзкая, множившаяся день ото дня, победоносная армия компьютерной техники уже проводила повсеместно ползучую экспансию.

Вот и в нашем славном городе на Неве многие офисы, даже небольшие, практически в одночасье перешли на современную оргтехнику. Пишущие машинки списывались оптом, сотрудникам предлагали забирать их в личное пользование, причем совершенно бесплатно. Но желающих находилось мало.

Был даже такой краткий период, когда на площадках возле мусорных контейнеров по утрам можно было узреть вполне исправную, а то и новехонькую пишущую машинку.

Петербургские журналисты и литераторы в массовом порядке меняли ориентацию, выбирая электронный набор текстов.

Меня тоже всё настырнее донимала мысль о покупке компьютера, но поскольку редакции, с которыми я сотрудничал, по-прежнему принимали к рассмотрению машинописные оригиналы, то я не торопился расставаться со своей портативной машинкой производства ГДР «Консул», которая верой и правдой служила мне на протяжении добрых пятнадцати лет.

Но вот однажды на ее валике появились микротрещины, которые постепенно расширялись, превращаясь в выбоины, отчего страница с отпечатанным текстом выглядела «полуслепой».

Как быть?

И тут мне вспомнилось, что пару-тройку лет назад, проходя случайно по Большому Казацкому переулку, я увидел на фасаде одного из зданий, выше уровня витрин и парадной двери, широко вытянувшуюся надпись, составленную из крупных черных букв, прикрепленных по отдельности к стене: «Ремонт пишущих машинок».

Да, но уцелела ли эта мастерская в яростном вихре компьютерных атак?

Я снял валик, аккуратно завернул его в бумагу и отправился на разведку.

К моей несказанной радости, бюро ремонта функционировало в нормальном режиме.

Судя по обилию частично разобранных машинок разнообразнейших моделей, что громозились на рабочих столах и полках, недостатка в клиентах здесь не испытывали.

Старый мастер кивнул мне, как доброму знакомому:

– Что у вас?

Я объяснил, достав из портфеля приготовленный сверток.

Он повертел валик в руках. В его манерах чувствовался профессионал высшей категории.

– Хорошая машинка, этот «Консул», – сказал он. – Надежная и долговечная. Если, конечно, смазывать ее регулярно, чего многие владельцы не делают. – (Камешек в мой огород.) – Но валик – ее слабое место. Рано или поздно начинает рассыпаться... – Он снова повертел деталь в руках. – Ладно, что-нибудь придумаем...

– Не боитесь остаться без работы? – спросил я перед тем, как попрощаться.

– Чего бы это вдруг? – ответил он с оптимизмом умельца, не желавшего признавать, что его профессия уже перешла в разряд отмирающих. – В нашем городе есть люди, и их, поверьте, немало, которые ни при каких обстоятельствах не расстанутся со своей пишущей машинкой. Извольте убедиться... – красноречивым жестом он обвел рабочие столы.

– Удачи вам!

Через несколько дней я забрал заказ.

Валик служил мне исправно еще несколько месяцев, до той поры, когда, наконец, я всё же решился перейти на компьютерный набор.

Машинку убрал в футляр, а тот пристроил в дальний угол чулана (в моем «Консул» хранится и поныне, как некий рудимент прошлого).

В последующем я нет-нет, да и сворачивал в Большой Казачий переулок. Старый дока оказался неважным пророком. Мастерская уже закрылась, в ее витринах красовалась реклама, предлагавшая сервис по части компьютерной техники, но вверху по-прежнему зазывно темнел четкий ряд букв, выстроившихся в слова, которые заключали в себе некую магию, понятную журналистам и литераторам моего поколения, сформировавшимся во времена безраздельного господства пишущих машинок. Я невольно замедлял шаг, размышляя о той неотвратимости, с которой старое безжалостно вытесняется новым.

Как-то раз в парке возле ТЮЗа я встретил знакомую писательницу.

Разговорились, и я поведал ей о старомодной надписи «Ремонт пишущих машинок», чудом сохранившейся на фасаде здания в Большом Казачьем переулке.

До самого переулочка было рукой подать, и моя собеседница, явно заинтригованная историей, близкой по духу и ей самой, попросила меня показать ей этот феномен.

Я провел ее по Гороховой улице, от которой отходил короткий отросток изломанного под прямым углом Большого Казачьего переулочка. Именно с этой точки сразу же открывался вид на интересующее нас здание.

Увы, сюрприза не получилось.

Буквы уже были сбиты, и только их бледные следы еще угадывались кое-где на облицовке.

В тот момент я понял, что великая эпоха пишущих машинок канула в вечность окончательно и бесповоротно.

А еще чуть погодя, над заведением появилась вывеска из крашеной белой краской жести, на которой синими буквами было написано: «Копировальная техника».

Теперь ничто уже не напоминало о временах ундервудов, ремингтонов и прочих «консулов».

P.S. Но вот совсем недавно попалась мне в Интернете любопытная заметка. В ней говорилось о том, что ведущие спецслужбы планеты, обеспокоенные проникновением в их компьютерные системы хакеров конкурирующих разведок, реанимировали пишущие машинки для подготовки наиболее засекреченных документов.

Кто бы мог подумать, что они еще вернутся, буквально из небытия...

ЗАГАДКА СТАРОЙ ДОРОГИ

Вот уже добрых полтора десятка лет меня преследует навязчивое видение.

Стоит мне прочитать в прессе очередную заметку об отвратительном качестве наших дорог, либо услышать по «ящику» репортаж о волнах и выбоинах, появившихся на новеньком, широко разрекламированном автобане, в строительство которого была вбухана чертова уйма миллиардов, либо увидеть собственными глазами во время прогулки по нашему славному городу, как ремонтируют прогнувшийся, совсем недавно выложенный красивыми плитками тротуар, то память тотчас воскрешает картину трехкилометрового участка старой, простейшей укладки лесной дороги, что тянется в районе железнодорожной платформы «63-й км» по Выборгскому направлению.

После долгих прикидок я решил восстановить эту картину на бумаге, теша себя надеждой, что мои бывшие наблюдения покажутся небезынтересными и современному читателю.

1.

Весной 1989 года ленинградским писателям выделили место под садоводство недалеко от платформы «63-й км».

Как водится, площадь была поделена на участки и распределена между претендентами по жребию.

Поскольку я переселился в Северную Пальмиру лишь в августе того же, 89-го, то к «раздаче слонов», понятное дело, не успел.

А вот мой товарищ, собрат по перу и бывший земляк, обосновавшийся на берегах Невы несколько ранее меня, свой дачный надел получил.

Будущее садоводство нуждалось в выкорчевке бесчисленных пней, в основательной очистке от поваленных сосенок, буйно разросшегося колючего кустарника, вросших в землю крупных камней и т.д.

Как не помочь товарищу!

В течение нескольких сезонов я периодически выезжал с ним в нарождающееся садоводство, внося посильный вклад в окультуривание участка.

Постепенно на месте сплошного бурелома поднялся дачный поселок, с электричеством и водопроводом, поселок, в котором еще долгое время новенькие кирпичные и бревенчатые особняки соседствовали с жилыми вагончиками, избушками-курытниками и даже шалашами.

2.

От платформы к писательскому «раю» вела старая грунтовая дорога, которая выныривала откуда-то из глубины леса, пересекала переезд и вводила в такие же сосновые дебри, минуя другие, уже обжитые дачные поселения.

Писателям, членам их семей и гостям надо было пройти по этой дороге примерно три километра, а затем свернуть под прямым углом и прошагать по расчищенной просеке еще метров триста до шлагбаума, за которым, собственно, начинались загородные владения литераторов северной столицы.

Старая дорога, повторюсь, относилась к разряду грунтовых, но так называемого профилированного типа.

То есть, под нее сначала было приготовлено ложе, в которое затем улеглось полотно из послойно утрамбованной, предварительно просеянной земли.

Об этих и других подробностях мне поведали знающие люди, ветераны здешних мест.

По их рассказам, дорога была построена финнами незадолго до зимней войны, когда окрестные леса еще принадлежали стране Суоми. В ту пору здесь не существовало никаких садоводств, лишь тянулись болотистые сосновые дебри, перемежаемые редкими хуторами. Дорога, скорее всего, имела оборонительное предназначение.

После известных событий вся эта территория отошла к СССР.

С той поры дорога ни разу не ремонтировалась капитально, о чем свидетельствовали боковые дренажные канавки, заросшие во многих местах кустарником, однако всё еще сохранявшие свой профиль.

Полотно не выглядело ровным, кое-где на нем образовались выбоины, впрочем, не слишком глубокие.

В общем, дорога как дорога. На первый взгляд, ничего особенного.

Но вскоре пришла пора удивляться.

3.

Однажды, когда я гостил у товарища и собрата, разразился ужасный ливень.

Переждав его, я отправился на электричку.

Песчаный отросток, проложенный от садоводства до старой финской дороги (так называли ее многие дачники), превратился в кисель, в вязкое месиво, в некое подобие непролазного болота.

С немалыми ухищрениями взобравшись на прилегавший пригорок, я двинулся по лесной тропинке вперед, мысленно представляя, что и грунтовка раскисла до неузнаваемости и что мне придется топтать до платформы по щиколотки в грязи.

Каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что земляная поверхность старой лесной трассы, несмотря на недавний водопад с небес, абсолютно пригодна для прохождения по ней человека, даже обутого в сандалии.

Лишь кое-где поблескивали лужицы, которые быстро высыхали на солнце.

4.

Вот тогда-то и начала донимать меня мысль о том, почему же обычная грунтовка, которой уже шел, как минимум, шестой десяток лет (по состоянию на тот момент), ни разу не подвергавшаяся капитальному ремонту, продолжает, тем не менее, исправно выполнять свое прямое предназначение.

Быть может, по ней ездят только велосипедисты, и ее полотно не испытывает предельных нагрузок?

Я предпринял «секретную» акцию, достойную именоваться «проверкой на дороге».

Да, велосипедисты тоже наличествовали, но куда интенсивнее мимо меня проносился легковой транспорт, а также грузовики со стройматериалами и мебелью, тягачи с прицепами, перевозившие трубы и прочие длинномерные грузы, кроме того, нередко проезжали фуры, а также трейлеры, нагруженные экскаваторами, бульдозерами и прочей тяжелой техникой.

Итак, профилированная грунтовка работала на полную мощность, при этом не осыпалась, не прогибалась, не проваливалась, не покрывалась гребешками.

Очевидно, не меня одного удивляло качество этой скромной транспортной коммуникации.

Я не раз замечал, как иные дачники нет-нет, да и топнут по ней ногой, будто дивясь небывалой прочности ее полотна, сооруженного из самого доступного материала.

5.

К тому времени я уже знал со слов другого писателя, страстного поборника развития ремесел, промыслов и малого бизнеса в России, о том, что в не таком уж и отдаленном прошлом идея земляного строительства успешно развивалась в исконно русском, северо-западном крае.

В конце 18 века архитектор Николай Александрович Львов, заручившись поддержкой императора Павла I, построил в Гатчине знаменитый Приоратский дворец – из земли, точнее, из суглинка, который лежит у нас под ногами. Техника «землебита» заключалась в том, что тщательно просеянный, освобожденный от корешков, стебельков и прочих примесей грунт засыпали в специальные опалубки и утрамбовывали почти вдвое против первоначального объема. Затем готовили следующий слой, и так до самого карниза. Для связки между слоями использовали известковый раствор.

По преданию, однажды новостройку, еще не завершенную, осмотрели государь Павел I, великий князь Александр Павлович и его очаровательная супруга Елизавета Алексеевна.

Не утерпев, великая княгиня попыталась испытать прочность земляной стены посредством острого конца своего летнего зонтика. Убедившись, однако, что ее молодых сил хватило лишь на высверливание крошечной лунки, Елизавета Алексеевна воскликнула с немалым изумлением, обернувшись к архитектору: «Я никак не ожидала, мсье Львов, что ваша земляная стена может быть такой твердой!»

6.

Эпизод из хроники строительства Приоратского дворца я привел отнюдь не в качестве агитации за канувший в Лету «землебит», а лишь для того, чтобы ближе подобраться к загадке старой финской дороги, загадке, которая, как представляется, содержит ключ к более серьезным вещам.

Послушайте: если простая грунтовка способна служить так долго, то какой же запас прочности могут иметь дороги, проложенные на основе современных материалов и технологий! Представим на минуту, что наши трассы – бетонные, асфальтированные, гравийные, щебеночные и прочие выдерживают без ремонта, без постоянного латания дыр хотя бы несколько лет. Да ведь при таком допущении просторы нашего отечества, ныне утопающего в периоды распутицы в непролазной грязи, в кратчайшие исторические сроки покрылись бы сетью разнообразных по способу покрытия, но одинаково замечательных по качеству дорог, неподвластных ударам стихии.

«Почему они, наши соседи, обитающие в точно таких же климатических условиях, строят надежно и качественно? – спросил я знакомого начальника дорожного строительства, с которым мы были почти в приятельских отношениях. – В чем загадка?»

«Нет никакой загадки, – пожал он плечами. – Надо в точности выполнять всю технологическую цепочку, только и всего».

«А мы этого не можем?»

«Можем», – уверенно кивнул он.

«Почему же не выполняем?»

Он ответил мне преисполненной таинственности улыбкой.

7.

На рубеже нового века мой товарищ и собрат по литературным мытарствам обменял свою писательскую «фазенду» на «курытник» в другом районе.

С той поры мне не приходилось более бывать на 63-м километре.

Не имею ни малейшего представления о том, в каком состоянии находится старая финская дорога сейчас.

Быть может, запас ее прочности уже истек, и она пришла в полный упадок.

А может, по-прежнему несет свой крест, дивя равнодушный люд загадочным долголетием.

ВПОЛНЕ ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Довелось мне однажды подготовить для популярной питерской газеты по просьбе ее редакции статью об использовании разведками мира различных ядов.

Материал носил обзорно-познавательный характер, охватывая период от эпохи царя-«токсиколога» Митридата VI Евпатора, тонкого знатока, ценителя и дегустатора змеиных ядов, до наших дней.

В ту пору с выходом в Интернет у меня были определенные трудности.

Зато имелся богатый, причем систематизированный архив газетных и журнальных вырезов, которые я собирал на протяжении многих лет, располагая возможностью кромсать ножами широкий и пестрый спектр периодических изданий.

Итак, вырезки из нужной папки, выдержки из полудюжины книг, где затрагивались аспекты заказанной темы, плюс впечатления от просмотра двух-трех соответствующих телепередач, всё это вместе взятое и послужило мне «источником вдохновения».

Пропустив сию информационную массу через сито собственного воображения, я выстроил самостоятельный сюжет, стараясь не увлекаться историческими экскурсами, а плотнее загрузить текст «горячими» примерами из современной шпионской практики.

В одном из эпизодов рассказывалось о том, что израильская разведка, которая считается одной из наиболее профессиональных спецслужб мира и даже включалась некоторыми исследователями в «большую тройку», наряду с КГБ и ЦРУ, обладает своего рода «лицензией на убийство», с тем лишь ограничением, что операции должны проводиться непременно на чужой территории.

Так, «Моссад» ликвидировал одного за другим всех террористов, причастных к расстрелу израильских спортсменов на Олимпиаде-72 в Мюнхене.

Вместе с тем, на протяжении длительного времени спецслужбам Израиля удавалось скрывать, что в своих тайных «литерных операциях» они используют особые яды, не поддающиеся выявлению обычными методами анализа.

Громкий «прокол» произошел в сентябре 1997 года, когда группа агентов «Моссада» пыталась «бесшумно» устранить на территории арабской страны одного из руководителей организации ХАМАС.

Агенты выполнили задание, однако в силу роковой случайности были задержаны местной полицией.

Их жизни, как, впрочем, и жизнь жертвы, висели на волоске.

Однако, в конечном итоге, было найдено «соломоново решение».

Израильские власти прислали врача, который ввел пострадавшему антидот.

В свою очередь, местные власти, убедившись, что пациент идет на поправку, передали схваченных ликвидаторов израильской стороне.

Согласно источнику, которым я располагал, эта история приключилась в Омане.

Главка «Оманский обмен» занимала в моем материале, подготовленном в электронном виде, весьма скромное место, соседствуя с рассказом о ликвидации «Черного Араба» Хаттаба, а также версиями об отравлении премьер-министра Грузии Зураба Жвания и нашего «оранжевого» соседа Виктора Ющенко.

Пробежав свежим оком по окончательному тексту, я внес пару мелких исправлений, после чего с легким сердцем отправил статью по назначению.

Остается только добавить, что питерская редакция располагала в ту пору целым рядом «дочерних» пунктов на территории СНГ, а также в Германии и Израиле, причем подготовка очередного номера велась во всех этих точках одновременно, на основании материалов, полученных из «материнской» конторы.

Спустя день-другой, мне позвонил редактор.

Мол, очерк по ядам выходит в следующем номере, подготовка которого заканчивается сегодня, однако возникли вопросы, требующие экстренного уточнения.

В этой газете на тот момент я опубликовал уже пару десятков статей, и еще ни разу меня не дергали в процессе выпуска номера.

Значит, случилось нечто из ряда вон, мелькнула мысль.

Собственно говоря, вопрос был один.

В редакцию пришел факс от израильских партнеров, которые утверждали, что «обмен» произошел вовсе не в Омане, а в Аммане, столице Иордании, что об этом «знает весь Израиль», и что автор, видимо, недостаточно компетентен, коли позволяет себе доверять непроверенным источникам.

– Вас не затруднит внести ясность в это недоразумение? – деликатно осведомился редактор, отнositившийся ко мне, как к автору, с неизменной благосклонностью.

– Без проблем, но мне нужно поднять свою папку.

– Через полчаса я перезвоню, – сказал он.

Нет, я ничуть не сомневался, что ошибка с моей стороны исключена.

Подготовив тот или иной текст, я всегда перепроверял упомянутые в нем даты, фамилии, должности, географические названия, даже если в том не было особой нужды. Такая уж выработалась привычка за годы работы в прессе.

Хорошо помнил я и саму вырезку – целевую полосу из популярной московской газеты. Помнил я и заголовок материала, и фамилию автора, весьма модного тогда столичного журналиста.

Одного только никак не мог припомнить, куда же я сунул эту вырезку после завершения работы?!

Есть хорошее правило: пользуешься архивными данными, возвращай каждый листочек на место!

Увы, оно соблюдается не всегда.

Я принялся лихорадочно ворошить свои рабочие папки, и, конечно же, безрезультатно.

В одной из них сверху лежали все другие вырезки по теме, но та, единственная, самая необходимая сейчас отсутствовала!

О боги, где же ее искать, в какой кипе бумаг?!

Когда редактор снова позвонил, мне пришлось вымаливать себе отсрочку.

Наконец, применив метод дедукции, я разыскал «беглянку» вложенной в другую, такую же по размеру вырезку, и только тогда перевел дух.

Нет, никакой ошибки! Согласно тексту, провалившаяся операция проводилась именно в Омане!

Сам же источник назвать «непроверенным» просто не поворачивался язык.

Это было обстоятельное интервью многоопытного экс-руководителя израильской разведки. Речь шла о последнем теракте в центре Москвы. Положительно оценив действия российских спецслужб в операции по освобождению заложников, гость редакции рассказал об особенностях борьбы с терроризмом, которую вели силовые структуры его страны. Вот тут-то, наряду с другими примерами, и прозвучала та самая история, как и место действия – Оман! Причем название именно этого арабского султаната израильский генерал повторил несколько раз.

Вдобавок, из преамбулы материала следовало, что журналист встречался со своим собеседником еще раньше, в Тель-Авиве, следовательно, он, интервьюер, по идее, также находился в курсе того, о чем «знает весь Израиль».

Теперь в моих руках был веский аргумент!

Позвонив редактору, я изложил свои соображения.

Кроме того, напомнил о другом шпионском скандале, эхо которого тогда еще не улеглось: о задержании в Катаре наших агентов по подозрению в ликвидации чеченского эмир-сара Яндарбиева.

Интрига обоих провалов имела схожие черты; местная полиция и там и там действовала одинаково; оба арабских государства, по сути, являлись соседями...

Эта параллель, пускай косвенно, но тоже свидетельствовала в пользу оманского варианта.

Редактор ответил, что он тотчас составит письмо и отправит его факсом израильским партнерам.

Он выразил уверенность, что на этом обмен «любезностями» между Петербургом и Тель-Авивом будет завершен, да и номер пора уже сдавать...

Прощаясь, он, однако, попросил меня оставаться на связи.

Очередной звонок из редакции раздался еще через полчаса.

– Они только что прислали бумагу по факсу, – сообщил редактор. – Пишут, что проконсультировались со специалистами. Хотя, по их мнению, это простая формальность. Амман, и никаких гвоздей! Иначе, мол, весь Израиль будет хохотать! Ибо второго похожего инцидента не было в природе – ни в Омане, ни в других местах!

– В таком случае, как они объясняют утверждение своего генерала – героя интервью?

– Ошибка с его стороны, как и оговорка, исключена. По их мнению, чего-то там недопонял журналист.

– То есть, оказался недостаточно компетентным? – не удержался я от язвительного выпада.

– Нет, – рассмеялся редактор. – Так вопрос не стоит. Скорее, как допускают наши партнеры, вкралась техническая ошибка. – Он вздохнул: – Однако всё это лирика. А нам пора сдавать номер. Вы, конечно, знаете о нашей ссылке на то, что ответственность за изложенные факты несет автор. Ваше слово, только быстро, прямо сейчас: оставляем «Оман» или исправляем на «Амман»?

Что ж, таково уж свойство журналистской профессии – порой приходится выбирать, вопреки тем очевидным фактам, которые, что называется, у тебя в руках.

– Исправьте на «Амман», – сказал я.

– По-моему, так вернее, – согласился он. – А вас прошу заглянуть на днях в редакцию и принести вашу вырезку. Я сделаю ксерокопию и отправлю ее в Тель-Авив, пусть похохочут.

На том и порешили.

Позднее в Израиле рассекретили часть документов по этому делу, информацию о котором я старался не упускать из виду.

Жертвой покушения должен был стать глава политбюро организации ХАМАС Халед Машаль (впрочем, это и раньше не являлось тайной).

Его «приговорили» за организацию взрывов в Иерусалиме.

Операцию, санкционированную на самом верху, планировалось провести «бесшумно», дабы все выглядело, как естественная смерть, и исключало всякое подозрение о причастности к ней Израиля. Потому в качестве оружия возмездия выбрали яд, разработанный в секретной биохимической лаборатории «Моссада». Несколько капель препарата было достаточно, чтобы жертва сначала лишилась сознания, затем впала в состояние комы, а еще спустя несколько суток отправилась бы в мир иной. Что же касается ликвидаторов, то выбранный способ возмездия почти стопроцентно гарантировал их беспрепятственное возвращение на родину. Сама вероятность провала считалась ничтожной.

В принципе агенты выполнили задание, но без должного артистизма, чем и привлекли к себе внимание со стороны нежелательных свидетелей, призвавших на помощь иорданскую полицию.

Шпионская легенда рухнула бесповоротно, это был классический провал.

Разгневанный король Иордании заявил, что если Машаль, который уже был подключен к системе искусственного жизнеобеспечения, не встанет на ноги, то израильских агентов будут судить по местным законам, что, по сути, означало публичную казнь через повешение.

Пришлось воспользоваться дозой антидота, изготовленного заранее на случай отравления ядом кого-либо из участников операции.

Нюансы этой запутанной истории в различных изданиях фигурируют по-разному.

Обычно так и бывает, когда пишут о тайных операциях, хотя бы и «рассекреченных».

Одно бесспорно: дело происходило именно в Аммане!

КАК Я РЕДАКТИРОВАЛ АСТРОЛОГИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

История краха одного безнадежного предприятия

В наши дни существует строгое положение, согласно которому все печатные периодические издания должны правильно указывать свой тираж.

А еще каких-то лет десять-пятнадцать назад порядка в этом деле не было никакого, и любой бульварный листок мог, надуваясь от важности, объявить, к примеру, что выходит тиражом миллион экземпляров! Многие редакции так и поступали. Не только, между прочим, разношерстные газетки, входившие в пул так называемой бульварной, или желтой прессы, но и вполне респектабельные издания приписывали к своему фактическому тиражу, как минимум, лишний нолик. Зачем? Да чтобы пустить пыль в глаза шальному рекламодателю! Вот, мол, какие мы популярные. Вот сколько народу прочтет у нас вашу рекламу. Деньги на бочку!

В ту буйную пору издательского беспредела мы с моим компаньоном затеяли выпуск астрологической газеты под названием «Секреты старого звездочета», рассчитывая быстренько сколотить, так сказать, стартовый капитал для более серьезного предприятия.

Чем нас прельстила именно астрология? Во-первых, тема была модной, что само по себе гарантировало стабильный читательский спрос. Во-вторых, можно было дать волю воображению, не неся за это ни малейшей ответственности.

Важно было лишь не путаться в знаках Зодиака.

* * *

И вот мы приступили.

Мой компаньон, экономист по образованию, вел производственную сторону дела – доставал бумагу, договаривался с печатниками и распространителями и всё такое прочее. Он же искал и (вот что удивительно!) находил предпринимателей, оплачивавших рекламу звонкой монетой.

Газету же от корки до корки делал я один, совмещая в единственном лице обязанности главного редактора, ответственного секретаря, машинистки, корректора, подчитчика и даже курьера. Половину материалов я безбожно передирал из родственной иногородней прессы, меняя лишь заголовки и подписи.

Но другая половина статей и заметок рождалась исключительно на кончике моего пера.

Вдохновенно, безо всякой натуги, я сочинял сенсации о близком конце света, полит- и бизнес-прогнозы, любовные и семейные гороскопы, интервью с ясновидящими и предсказателями, которым сам же выдумывал пышные имена, псевдоисторические факты и курьезы от времен царя Митридата Евпатора и вплоть до наших дней, рассказы «очевидцев», побывавших в параллельных мирах и колодцах времени, а также письма и отклики читателей, якобы поступавших к нам со всех концов нашего бескрайнего отечества.

А еще я придумал оригинального персонажа – некоего Порфирия Петровича (догадываетесь, откуда он явился?), вредного мужичка, любившего порассуждать на злобу дня...

Словом, в газетке было что почитать.

На последней странице мы печатали длинный список членов нашей редколлегии, сплошь состоявшей из академиков оккультных наук, магистров белой и черной магии, докторов уфологии, народных целителей, дипломированных колдуний и гадалщиков на бобах и так далее.

Всё это, конечно, были вымышленные люди.

Выходила наша газета два раза в месяц и имела 16 страниц формата, удобного для чтения в транспорте. Тираж мы указывали 100 тысяч, но в действительности печатали 10 тысяч, из которых расходилось обычно не более 7 тысяч. Нераспроданные экземпляры приходилось привозить в редакцию – крохотную комнатуху, которую мы арендовали у приятеля моего компаньона.

Эти нераспроданные пачки постепенно скапливались, стремясь к потолку, забивая все углы и грозя в скором времени вытеснить нас с компаньоном на лестничную площадку.

* * *

Разумеется, смешная выручка от реализации тиража не покрывала даже наших расходов на бумагу. Единственное, что позволяло нам держаться на плаву, – это, повторюсь, платная реклама.

И здесь надо отдать должное моему компаньону, обладавшему редким талантом умело пудрить мозги даже неглупым людям, среди которых, между прочим, еще встречались в ту пору мастодонты, склонные верить в чудеса. Но, думаю, даже дар моего компаньона не помог бы, не будь в выходных данных «Звездочета» этой магической цифры – 100 тысяч.

Только не надо думать, что она, эта цифра, появлялась на нужном месте по одному нашему хотению.

В типографии тоже ведь не дураки работали. Прекрасно понимали, зачем заказчик вздувает свои тиражи. И абсолютно точно знали – на какую именно величину вздувает. Ибо истинный тираж указывался на особом листочке, называемым «рубашкой» заказа. По идее, тиражи с «рубашек» должны были в точности переключиваться в выходные данные издания – только и всего.

Но вот тут-то и начиналось чудесное превращение скромных золушек в блистательных принцесс.

Не берусь судить, каким образом это проделывали именитые, авторитетные заказчики.

Мы же нашли свою фею в лице наборщицы Марии Алексеевны. Это была озабоченная женщина непростой судьбы. С одной стороны, она пользовалась в цехе неоспоримым авторитетом, и в ее маленькие деловые секреты не вмешивался ни один типографский начальник. С другой стороны, ее одолевали какие-то не прекращавшиеся семейные разборки с мужем, и она крайне нуждалась в дополнительных источниках дохода, пускай даже мизерных.

После первых же переговоров, состоявших из витиеватых полунамеков, Мария Алексеевна согласилась за весьма умеренную премию поставить наше издание на свой особый учет.

После этого мы уже не беспокоились за обозначенный тираж. Мария Алексеевна оказалась чрезвычайно добросовестной и опытной работницей. Лишний по сравнению с «рубашкой» нолик неизменно появлялся на нужном месте. Да что там нолик!

Мария Алексеевна обеспечивала нашему «Звездочету» «зеленую улицу». Газету печатали в удобное для нас время. Поэтому мы не только не жалели о расходах на премию, но даже добавляли к этой весьма умеренной сумме то шоколадку, то коробку конфет, то косметический набор, а перед праздниками еще и бутылку шампанского.

* * *

Ничто не предвещало потрясения, тем более катастрофы. Напротив, наши горизонты постепенно окрашивались в радужные тона.

Однажды мой компаньон заарканил необычайно крупную добычу – оптового перекупщика, который выложил нам за рекламу своего товара кругленькую сумму наличными. Почти одновременно некая ремонтно-строительная фирма скупил у нас остатки предыдущих тиражей для оклейки стен под обои. Как говорится, мелочь, а приятно. В кои-то веки мы почувствовали себя крезам и, посоветовавшись, решили распорядиться деньгами следующим образом. Первое: закупить пару рулонов газетной бумаги, запасы которой подходили у нас к концу.

Второе: в ближайшие выходные, сразу же после сдачи очередного номера, устроить выезд на природу с шашлыками и ночевкой. Должны же и мы в кои-то веки отдохнуть по-человечески!

Сказано – сделано. Уже назавтра мы привезли на типографский склад два огромных рулона сыктывкарской бумаги, которой, по нашим расчетам, нам должно было хватить если не на год, то уж месяцев на десять точно.

Мы радовались жизни, как неизбалованные дети радуются кульку с конфетами. Мы светились от счастья, предвкушая маленькие земные удовольствия.

И ни одна звезда, черт бы ее побрал, не просигналила нам с бархатистого небосвода: эй, мол, мужики, не зевай! Не кричи «гоп», пока не перескочишь! Беда у порога!

А могла бы и просигналить, учитывая, сколько сил положил я на эту астрологию! Нет, не просигналила! Впрочем, может, какая-нибудь крохотная звездочка и подавала тревожный знак, вот только мы с компаньоном, упоенные удачей, ничего не заметили.

Однако обо всём по порядку.

* * *

Была пятница.

Мы с компаньоном сидели в нашей редакции, вся обстановка которой состояла из двух обшарпанных столов с электрической машинкой «Ятрань» на одном из них (пишущие машинки в ту пору хоть и доживали свой век, но еще не сдали окончательно своих позиций компьютерам), двух стульев-инвалидов и разошедшей тумбочки. Буквально накануне ремонтно-строительная фирма вывезла весь возврат, и сейчас тесная комнатка казалась нам непривычно просторной.

Компаньон только что вернулся с плодотворных переговоров, прихватив по дороге пару бутылок пива и пакетик сушеной корюшки. Я в эти минуты просматривал гранки очередного номера, взятые мною у Марии Алексеевны еще позавчера.

Вернуть их в цех нужно было сегодня.

Надо сказать, что готовящийся номер мы с компаньоном окрестили «спецвыпуском» – еще одна хитрость, направленная на обхаживание двух-трех потенциальных рекламодателей. Само собой, на развороте имелся «гвоздь номера», проанонсированный крупным заголовком на 1-ой полосе: «Порфирий Петрович – о предстоящих выборах! Только у нас! Читайте откровения человека, который зрит в корень!»

Сделав пару глотков, мой компаньон взял со стола гранки последней страницы, до которой у меня еще не дошла очередь.

– Что за фокусы?! – послышался его удивленный возглас. – Почему тираж указан десять тысяч?

– Я помню и обязательно поправлю, – заверил я. – Просто еще не успел.

– А вдруг она не обратит внимания на твою правку? – неожиданно забеспокоился он.

– До сих пор обращала, и весьма исправно, – напомнил я.

– У нее, похоже, дома опять какие-то проблемы, – вздохнул он. – Не думаю, что мы должны надеяться на ее память. Упаси, боже, если выскочат эти «10тысяч»! Мне же в среду важного туза раскручивать, и я точно знаю, что первым делом он сунет свой хищный нос вот сюда! – мой компаньон постучал полусогнутым пальцем по полосе, затем взял ручку и жирно написал сбоку:

«Мария! Свет наших очей! Тираж – сто тысяч! Сто! Уразумела? Не заставляй нас волноваться зря!»

Затем он размашисто расписался, поставил число и подмигнул мне:

– Ну вот, теперь уж она точно поправит!

* * *

Через пару часов я отвез гранки в типографию и вручил их Марии Алексеевне в руки.

Прочитав петицию моего компаньона, она усмехнулась и ответила, что подобных тонкостей никогда не забывает, но ведь это всего-навсего гранки, и в них она не стала добавлять ноль, как и раньше не добавляла – ведь это просто лишняя работа. А в оригинале нолик будет стоять на своем месте, не волнуйтесь, господа!

Пока я курил на лестнице, она вставила недостающий нолик на место, исправила прочие ошибки, которых было совсем немного, и вывела для меня чистые полосы, а злополучные гранки с моей правкой и резолюцией моего компаньона сунула в свой рабочий стол.

Я расписался, как положено, на готовых оттисках и лично отнес их в печатный цех. Мастер сказал, что по графику наш тираж отпечатают в ночь с субботы на воскресенье, забрать же готовые пачки можно будет в понедельник с утра, как обычно, из экспедиции.

Типографию я покидал с чувством исполненного долга, одновременно предвкушая субботний пикничок.

* * *

Ну что тут долго рассказывать!

В понедельник с утра, всё еще слегка очумелые от бурного общения с природой, мы столковались с первым же подвернувшимся частником и поехали за тиражом.

Обычно «Звездочет» поджидал нас в экспедиции, в маленьком чуланчике без окон, среди прочих мелких заказов – 20 аккуратных перевязанных пачек по 500 экземпляров в каждой, что называется, нормальный груз двух ослов.

Но сегодня сотрудница экспедиции повела нас почему-то в соседний – большой чулан, где указала на внушительный, до потолка, штабель пачек.

– Забирайте свой «Звездочет»!

– Да, но где же он?

– Всё это и есть ваш «Звездочет», – был ответ.

– Всё?! – мы с компаньоном ошалело переглянулись, думая, что происходящее нам мерещится.

Но постепенно пришло осознание того, что случилось нечто исключительное, из ряда вон. Но что?

Начальница экспедиции деловито растолковала нам, что всё в порядке, отпечатано, как мы и заявляли, 100 тысяч экземпляров газеты.

Сто тысяч... Катастрофа! Но как такое стало возможным?!

* * *

Увы, произошло роковое стечение обстоятельств, то самое, которого при всем желании нарочно не придумаешь.

Цепочка наших несчастий началась с того, что куда-то запропастилась «рубашка» заказа. В печатном цехе ее искали-искали и не нашли. А на часах уже поздний вечер, и пора запускать барабаны. В бухгалтерии ни души, и не у кого уточнить, какой тираж оплачен.

Что оставалось делать им, работникам ночной смены?

В объявленные в выходных данных 100 тысяч мастер, конечно, поначалу не поверил, ибо прекрасно знал, что все газеты завышают тиражи, к тому же он помнил, что «Звездочет» никогда не выпрыгивал за 10-тысячную отметку.

Но, с другой стороны, мастера смутило слово «спецвыпуск», как и предвыборный анонс на обложке.

Какие только чудеса не случаются перед выборами! Может, этот заказ проплачен кем-то из кандидатов? Мало ли.

На собственный страх и риск в ночном цехе затеяли целое расследование. Начали с того, что позвонили домой Марии Алексеевне. Но наборщица, на беду, снова разругалась с мужем и ушла ночевать к какой-то подруге. Далее. Сотрудница, оформлявшая заказ, уехала на дачу. Не застали и нас с компаньоном.

Отправились искать гранки и, к нашему несчастью, нашли их в столе Марии Алексеевны. И уж тут, конечно, петиция моего компаньона, да еще с витиеватой подписью, сняла все сомнения. (Нечего и говорить, что сей документик дальновидный мастер благоразумно спрятал в свой сейф.)

Положение еще могло бы спасти отсутствие на складе типографии нужного количества бумаги на нашем счету. Ведь еще пару недель назад всей нашей бумаги едва хватило бы на выпуск 10-тысячного тиража.

Но, увы! Видать, сам дьявол заставил нас поторопиться с покупкой этих двух рулонов...

Они отпечатали все 100 тысяч экземпляров. Вся наша бумага, добытая ценой невероятных ухищрений, прошла через печатный станок прямиком псу под хвост.

Сейчас эта продукция громоздилась перед нами. Бумага, сулившая нам год безоблачной жизни, в одну ночь, будто по издевке злого волшебника, превратилась в макулатуру! Да еще предстояло вытаскивать всю эту гору на собственном горбу!

Так закончила свое удивительное существование астрологическая газета «Секреты старого звездочета». И не то обидно, что она пала жертвой тиражных игрищ, а то, что мы уничтожили ее, можно сказать, собственными руками.

И звезды почему-то не предостерегли нас.

АФРИКАНСКАЯ ЖАРА В СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЕ

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.